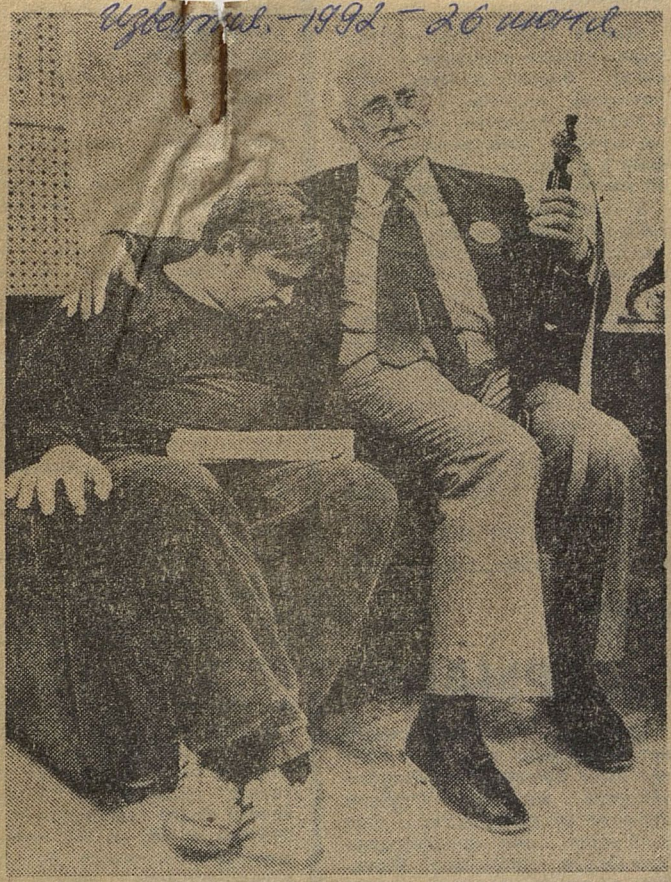
Известия. – 1992 – 26 июня.



Мстислав РОСТРОПОВИЧ:

МОЖНО ВЫТЕРПЕТЬ И ПЕРЕЖИТЬ ВСЕ, ЕСЛИ ВИДИШЬ ЦЕЛЬ

В августе прошлого года, узнав о путче, Мстислав Ростропович прилетел в Москву, чтобы помочь защитить молодую демократию. С тех пор прошло около года. О том, как выдающийся русский музыкант оценивает перемены в России, о том, как понимает свою роль в ее судьбе, читайте в интервью на 3-й стр.

Мстислав РОСТРОПОВИЧ:

МОЖНО ВЫТЕРПЕТЬ И ПЕРЕЖИТЬ ВСЕ, ЕСЛИ ВИДИШЬ ЦЕЛЬ

Юрий КОВАЛЕНКО, «Известия»

— В августе 1991 года, во время путча, вы прилетели в Москву, чтобы помочь защитить молодую демократию в России. С тех пор много воды утекло... Как вы оцениваете события минувшего года. Год правления Ельцина?

— Прежде всего я надеялся, что все пойдет быстрее... Тогда была такая эйфория! Эти три дня в августе явились Божьим благословением, которое я ощущал физически. Молодежь, защищавшая Белый дом, ничего не боялась—просто чудо! Это было избавление от дьявольщины, во что поверить очень трудно... Но я думал, что после августовских событий люди, которые так мешали свободе, сложат оружие, но этого не случилось. Больше того, я вижу, что демократы объединяются хуже, чем их противники. Те, кто выступает с красными флагами, лучше организованы. Конечно, меня это расстраивает... Беда в том, что не решена ключевая проблема — приватизация земли. Пока это не будет сделано, рассчитывать на доверие крестьянства, на то, что оно станет работать и на себя, и на свой народ, очень трудно.

И все-таки я очень верю в Бориса Николаевича Ельцина, но вижу, какие трудности стоят на его пути. Даже в российском парламенте ему постоянно ставят какие-то препоны. Это потому, что сам парламент избрали неправильно. Там много людей, которые, по сути, были назначены. И теперь они пользуются своим мандатом, чтобы саботировать правильные реформы. Жаль, если победа демократии прошлым августом не даст быстро своих результатов.

— Это прежде всего зависит от умения властей довести до конца реформу...

— Любая реформа имеет элемент эксперимента. Никто наперед не может сказать, как она будет развиваться. Неожиданно возникают какие-то кризисы, как, например, с наличными деньгами. Конечно, я не экономист, но Роден, когда его спрашивали, как вы делаете свои замечательные скульптуры, отвечал: «Я беру кусок мрамора и откалываю все, что мне не нужно». Вот и сейчас надо отбросить все лишнее... Давайте возьмем уже существующие в других странах структуры, которые повсюду успешно работают — будь то в Швеции, во Франции или в Германии. У каждой есть свои особенности — в одной больше налогов, в другой меньше дается средств на социальные нужды. Но зачем изобретать велосипед? Зачем нам создавать какой-то гибрид кошки и мышки? Он все равно не будет работать.

— Обнищание народа продолжается. Хватит ли ему терпения? Сколько он еще выдержит?

— Я бы ответил за народ, если бы жил в России. Терпения хватит, если знать, куда и зачем идешь. Можно вытерпеть и пережить все, что угодно, когда видишь цель. Поэтому народу надо все ясно и конкретно объяснить. Пока же он только участвует в баталиях... Одни критикуют планы Гайдара, вторые с ним согласны, третьи говорят, что это безобразие. И нет во всем этом стержня. Есть общая муть. Может быть, боязнь происходит оттого, что не сбалансирована сама система. В этом смысле мне жалко плана, который был назван «500 дней». Если бы он был принят, я бы смог точно вам сказать свое мнение, допустим, на 150-й день. Сейчас же неясно, когда осуществятся реформы: то ли через 2 года, то ли лет через 20. И мы не знаем, где находимся.

— Готовы ли мы к этой новой свободе, которая, по словам Бердяева, может быть безжалостна, порождать страдание и трагизм жизни?

— Нет, пока не готовы... Но у ребенка не спрашивают, когда он захочет учиться ходить. Он еще не умеет, но его ставят на ноги. Он должен сам начинать — правой, левой. Надо готовить человека, предоставив ему полную свободу, иначе он никогда не сумеет ею воспользоваться.

— В недавнем интервью «Известиям» Ельцин выражал сожаление, что интеллигенция в России сейчас его меньше поддерживает и что упала ее вера. В чем причина?

— Мне очень трудно говорить об этом, потому что я не хочу терять свой авторитет в моем народе, ибо сейчас нахожусь не вместе с ним. Интеллигенция отступила от ельцинской программы? А у меня тоже есть вопрос: если не Ельцин, то кто тогда? Альтернативы ему нет. Это президент, избранный народом, когда каждый принимал свободное решение. Так дайте ему по-настоящему поработать! Нет, не дают... Зачастую парламент не принимает его предложений. Вот если бы они были приняты и привели к ухудшению ситуации, тогда бы я сказал: извините, я не за Ельцина.

— СССР не существует, СНГ практически тоже, нет ли у вас ностальгии по стране, которая до последних событий существовала на протяжении стольких столетий?

— Однажды после концерта я летел из Вашингтона в Европу. В самолете оказался крупный таможенный чиновник с Украины. Я пошутил: не хочет ли он, чтобы я показал ему мой чемодан? Мы посмеялись, а потом я ему сказал: если вы будете меня осматривать, когда я прилечу в Киев, то я лучше туда вообще не поеду. Потому что в Киеве я бывал с друзьями, с Глиэром, Хачатуряном и Шостаковичем, знаком там со многими людьми. И для меня он всегда был родным городом. А теперь получается, что ты приходишь в свою семью, а тебя спрашивают: как о вас доложить вашей жене? Но интуиция подсказывает мне, что пока лучше не заострять этой проблемы. Вся нынешняя сепаратизация, стремление к независимости — это болезненная реакция на события. Я не представляю себе, как русскую культуру можно отделить от украинской... Я знал многих украинцев, которые учились у меня в Московской консерватории, и никогда не придавал значения их национальности. Уверен, что придет время, когда все образуется, и пройдет это вульгарное зазнайство, с какой бы стороны оно ни проявлялось.

—Вы родились в Баку, и вам, разумеется, небезразлично, что происходит сейчас в Закавказье, которое стало одной из самых горячих точек земного шара, можно ли выбраться из этой трагедии? Тут уже дело не в зазнайстве.

— Тут дело в запущенности. Скажем, в семье случается конфликт. И, наверное, в этой семье существуют друзья. И странно, что они пришли поздно, почему-то ждали, пока он обострится. Если же сейчас стать между танками, то тебя убьют. Проснулись звериные инстинкты. Когда я смотрю на людей с одной и с другой стороны, которые громят друг друга, меня пугают их лица. Они в основном руководствуются инстинктами. Проблема в том, что раньше границы внутри Союза не имели никакого значения. Если бы мне сказали, что Москва является частью Узбекистана, то я бы не протестовал. Какая разница! И когда Хрущев мановением своей власти подарил Крым Украине — казалось, почему бы и нет! Нынешняя ситуация, взрыв национализма —результат той дьявольщины, которая существовала в нашем Отечестве 70 лет.

— На днях вы заявили, что в 1994 году покинете вашингтонский симфонический оркестр, которым управляли 17 лет, и будете помогать России...

— Одна из причин, по которой я собираюсь освободиться, в том, что оркестр требует очень много времени. Все другое приходится теснить... У каждого человека есть своя задача. Когда я был изгнан из своей страны, и Америка меня приняла с распростертыми объятиями, я решил отблагодарить эту замечательную страну — сделать из одного посредственного оркестра по-настоящему хороший оркестр. Свою задачу я выполнил — признанный во всем мире, оркестр имеет совершенно другой масштаб... Теперь я собираюсь более рационально использовать свое время, свою жизнь, тем более что мне все-таки исполнилось 65. И, конечно, я не могу безразлично относиться к нуждам нашей страны. К сожалению, у меня все заполнено до 1 января 1995 года. Однако 24 сентября 1993 года я хочу поехать домой, в Россию, на месяц. Все посмотреть, все воспринять душой своей. В дальнейшем я собираюсь проводить в Вашингтоне месяц в году, чтобы не терять музыкальные и человеческие контакты с этим «коллективом».

— Чем Ростропович может помочь России?

— Я очень люблю писателя Войновича и считаю его символическое возвращение в Россию чрезвычайно важным шагом. Потому, что сейчас многие, в том числе масса музыкантов, уезжают. И нужно особо ценить тех, кто остается. За это я очень ценю среди других двух молодых женщин — Элисо Вирсаладзе и мою ученицу Наталью Гутман. Они просто не представляют себе, что могут уехать. Мне, конечно, могут возразить — тебе легко об этом рассуждать, сам-то живешь там, как сыр в масле. Не в том дело. Если бы я не был изгнан, никогда бы Россию не покинул. Так что моя помощь в том, чтобы разделить трудное время с моими соотечественниками.

— А вы бы согласились занять место российского министра культуры, если бы оно оказалось вакантным?

— Никогда в жизни. Это бы лишило меня возможности творчества. Административной деятельностью я не хочу заниматься, но с удовольствием буду помогать. В Московской консерватории мне хочется организовать мастер-классы с участием выдающихся исполнителей, которые будут ездить в Россию. Это все мои большие друзья. Я хочу помочь молодому поколению. Кроме того, на свой следующий музыкальный фестиваль в Эвиане, где будет выстроен новый зал из дерева в русском стиле, я приглашаю оркестр Московской консерватории. И посвящаю фестиваль нашему Отечеству.

— Дома многие деятели бьют тревогу, что русская культура может погибнуть в условиях рынка. Замечательный режиссер Анатолий Васильев недавно сказал, что театр рухнул, как рухнул рубль. Как защитить ее от этой опасности?

— В этом есть какой-то элемент недоверия к своему народу. В Америке искусство поставлено строго на коммерческую ногу. Часто получается, что большой художник не может располагать значительными средствами, потому что его искусство не интересует широкие массы. Но в России иное положение, и я убежден, что мы останемся меньшими материалистами, чем американцы. В мою бытность в России люди приходили в Большой зал Московской консерватории как в молитвенный дом, где отрешались от своих проблем, от адской жизни и принадлежали музыке — божественному и чарующему саду звуков. Когда пройдет первая волна шторма, которая выбрасывает на берег мусор, настоящее искусство не пострадает, не будет уничтожено. В России и раньше был рынок, но были и такие великие меценаты, как Мамонтов, Щукин, Третьяков. Ну а сейчас есть Станислав Федоров — замечательный глазник и великий прораб, деятель во всех сферах.

— Наталья Солженицына приехала в Россию, ищет дом, готовит возвращение мужа. Вы поддерживаете контакты с Александром Исаевичем?

— Постоянные и очень тесные. Перед ее отъездом я был у Солженицыных дома, ночевал. И мы, конечно, весь вечер и всю ночь проговорили о России. Я считаю возвращение этого великого человека, открывшего всему миру глаза на Россию, завершением целого исторического цикла. Для России оно станет огромным моральным событием. Возвращение человека-правдивца, который живет не по лжи, будет иметь великий смысл и, я бы сказал, стабилизирующее значение для Родины.

Только что я узнал, что в Моссовете было проведено обсуждение и голосование по вопросу — стоит ли семье Солженицына возвращать его старую московскую квартиру. И были сомневающиеся. Многие теперешние чиновники, как мне известно, расхватали прекрасные квартиры, а в возвращении отобранной квартиры великому писателю — сомневаются!! Кошмар!!!

— Живущий на Западе пианист Михаил Рудь как-то затронул вопрос о том, что в России, несмотря на все ее беды, по-прежнему больше всего в мире рождается музыкальных талантов. Чем это объяснить? Талант уничтожали, изводили, высылали, и все-таки земля русская плодоносит...

— Чтобы ответить на этот вопрос, надо писать исследовательскую работу. Я думаю, что здесь большое значение имеет и природа взаимоотношений между людьми. У нас дома всегда хотелось поделиться с кем-то, даже в то время, когда делиться было опасно. Но открыться кому-то—это свойство преимущественно русской натуры, которое сильно связано и с музыкой. У нее есть потребность в соборности, в атмосфере общего горячего супа. В США это не так, каждый человек живет сам по себе.

— В чем вы видите высшее назначение искусства? Бердяев говорил, что мы относимся к нему, как потребители. Искусство, с его точки зрения, должно толкать на жажду преображения мира и преображения своей жизни.

— Сказано гениально... Я враг привычки, ибо она обкрадывает нашу жизнь. Мне всегда жалко чиновников, которые вынуждены с 9 до 5 каждый день сидеть на службе. Они никогда не видят, что происходит в это время с небом, с солнцем. И каждый день я стремлюсь новыми глазами посмотреть на дерево, стоящее у моего дома. Я поднимаю глаза к небу — Боже, какие облака! Я стараюсь не привыкать к красоте, потому что в таком случае «привыкнешь» к тем произведениям, которые играешь. Мы должны ощущать звук, изданный инструментом, или человеческий голос как чудо. А мы привыкаем, и часто великая гармония музыки звучит, как примус на кухне.

— Как вы относитесь к другим музыкальным жанрам—поп-музыке, року?

— Замечательно отношусь. Я считаю, что всякая музыка создана для людей. И те композиторы, которые находят слушателей, должны быть счастливы... Смотрите, кто ходит на рок-концерты, — это молодежь, то есть увлечение роком проходит с юностью. А потом начинается поиск какой-то красоты и гармонии. Помню, мои дочки маленькими потихоньку слушали рок. Я сказал им: рок нужно пускать на всю катушку, чтобы уши болели, и включил звук на полную мощность. Вскоре он перестал их интересовать. Понимание «серьезной» музыки приходит со временем. Поп-музыка, конечно, может притупить вкус. Сергей Прокофьев говорил мне: «Слава, музыкальный вкус нужно чистить каждое утро. Как вы чистите зубы». Зачастую человек приходит к року, потому что у него не развит музыкальный вкус. Повсеместное увлечение наркотиками идет, как я думаю, и потому, что люди ищут какого-то выхода из личной изолированности. Молодежи нравится быть вместе и возбуждаться от одного и того же импульса.

— Вы продолжаете вашу коллекцию русского искусства?

— Да, вот и сегодня мы с Галей купили очень хорошую картину Натальи Гончаровой и две небольшие работы Судейкина. С гордостью могу сказать, что на Западе у нас одна из лучших коллекций русского искусства. Я бесконечно восхищаюсь работой Валентина Серова—портретом князя Юсупова, запечатленного на коне. Когда я приобрел эту картину на аукционе, в «Советской культуре» появилась ее фотография и было написано, что она куплена анонимно. Теперь могу сказать—анонимом был я.

— В чем вы видите вашу миссию? В какой степени она вам удалась?

— Я не задумываюсь над тем, какая у меня миссия. Нет, я не ставлю никаких глобальных целей по поводу своего влияния... Да нет у меня никакой миссии! Я просто честный человек. Разве что мой пример в чем-то может быть для других достоин подражания — и это максимум. Жить не по лжи. По утрам я читаю молитву: «Боже, не оставь и поддержи меня...» Я стараюсь каждый день контролировать себя, чтобы случайно не толкнуть локтем кого-то из ближних. Пытаюсь в жизни никого не отягощать своими заботами и проблемами.

— Прожив столько лет на Западе, считаете ли вы себя сегодня космополитом, гражданином мира или все-таки по преимуществу человеком русским?

— Я был изгнан из своей страны, но чувствую, что на Западе сделал полезное дело для своего народа. Потому что люди ценят меня даже не только как музыканта, а просто как порядочного человека. Однажды я встретился с Далай-ламой. Я ему сказал, что настанет время, когда все мы вернемся на свою землю. На что он заметил: «А вы думаете, что есть только плохое в том, что мы находимся не на своей земле? Нет ничего плохого в том, что меня узнают люди, а я — их». Вот я считаю, что выдержал испытание в качестве посла своего народа.

Живя на Западе, я призывал знакомых премьеров и королей не доверять Советскому Союзу. И Рейган, назвав СССР «империей зла», может быть, тоже подтолкнул нас к реформам. Моя страна надорвалась бы, не выдержав этой дикой финансовой гонки со «звездными войнами». Сейчас уже они, слава Богу, никому не нужны. Ну а сколько времени мы распространяли слухи о том, что капиталисты собираются напасть на нас, а мы должны обороняться!

— Религия играет в вашей жизни большую роль.

— Очень большую. Я считаю, что каждый человек должен чувствовать над собой власть, власть Всевышнего и ответственность перед ним. Никто не может ощущать себя безнаказанным. Тем более, когда судьба дает тебе в руки такую власть. Если бы Сталин был верующим, разве он совершил бы все свои преступления! Ельцин ходит в церковь, и жизнь приведет его к вере... Я так благодарен безымянным людям: когда я вышел ночью из Белого дома, они подарили мне две маленькие иконки, с которыми, как и со своим молитвенником, я никогда не расстаюсь. Беру их с собой на концерты. Через «Известия» хочу сказать: я не знаю этих людей, которые мне подарили иконки, но они всегда со мной.

ПАРИЖ.